

ГДЕ ЖИВЕТ МАНДАРИНОВОЕ НАСТРОЕНИЕ



**ЕКАТЕРИНА
НОВИЦКАЯ**

Екатерина И. Новицкая

Где живет мандариновое настроение

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55847076

Где живет мандариновое настроение:

ISBN 978-5-00171-141-4

Аннотация

Что делать, когда многоквартирный дом человеческой жизни, в котором проживают дружба, любовь, семья, работа, начинает шататься и разваливаться? Как удержаться, не похоронив себя в депрессии, как понять, что важно в жизни, и как спасти то, что дорого? Кира, жительница мегаполиса, чувствуя, что тонет в рутине быта, обыденности повседневных забот и жизненных неурядиц, решает на время все бросить и уехать из шумного города. Купив счастливый билет, она отправляется в небольшой зимний городок у моря, где нет толпы туристов, а раскаленное солнце не щиплет загаром. Что нашепчет ей зимнее море, что напоеет ветер, что расскажут улицы?

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	17
Глава 4	20
Глава 5	23
Глава 6	29
Глава 7	36
Глава 8	53
Глава 9	57
Часть вторая	60
Глава 10	60
Глава 11	65
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Екатерина Новицкая

Где живет мандариновое настроение

«Привет.

Ты случайно не знаешь,

где найти мандариновое настроение?»

© Новицкая Е. И., 2020

Часть первая

Круг повседневности

Глава 1

Дорога на работу

Утренняя игра наперегонки с будильником, «салочки» времени и человеческого сознания. Либо моя рука раньше дотянется до телефона и отключит будильник, либо его задорная мелодия сотрясет мое еще спящее сознание. Он прозвонит ровно в четыре, но я успеваю встать на пятнадцать минут раньше, предупредив его настойчивые утренние трели, – привычка. Утро измеряется «кофеем», его количеством и крепостью. Первый глоток вскрывает новый день. Закуриваю сигарету, концентрируюсь, собирая спрятавшийся в закоулках сознания туман вчерашнего дня с его недоделками. Каждодневный ритуал пробуждения, сотканный из темноты за окном, аромата сваренного кофе и сигареты. Попытки окончательно проснуться тщетны, поэтому сборы на работу – исключительно на автопилоте.

Натужно рыча на подъемах, сонный автобус пробирается сквозь еще не расчищенные снежные завалы. Народ, не проснувшись до конца, смурно смотрит в окно, наблюдая

темноту улиц. На остановке железный монстр заглатывает очередную порцию пассажиров и продолжает путь к конечному пункту. Утренние автобусы отличаются от дневных, одни и те же люди, начинающие свое каждодневное путешествие на работу именно в этот ранний час. За годы совместных поездок завязываются знакомства и возникают разговоры с посвящением собеседника в обычную людскую жизнь. Утренний автобус – это как закрытый клуб: только для своих, где каждое лицо знакомо. Каждый сторонний человек, случайно попавший в такой автобус, сразу заслуживает пристального, изучающего взгляда. Вот пара с огромными чемоданами, явно спешащая в аэропорт или на железнодорожный вокзал, в их глазах горит огонек путешествия.

Иногда забредают помято-несвежие личности, возвращающиеся после бурной разгульной ночи. Сегодня мне не хочется рассматривать жертв колесного чудовища или вести «светские» беседы с попутчиками. Закрываю глаза и пытаюсь на чем-нибудь сосредоточиться. Мысли, как гнилая тряпка, расползаются в разные стороны. Не получается. Хочется вот так, ни о чем не думая, просто куда-то ехать, долго, монотонно, бесцельно двигаться, неважно в каком направлении, главное, чтобы никто не трогал. Конечная. Как же не хочется выходить. Хочется продолжить это движение в никуда и ни за чем. Но пока еще есть осознание, что это движение именно в пустоту, выталкиваю себя из автобуса. В метро жду пустого поезда из депо и забиваюсь на сиденье в углу,

чтобы тоже никто не трогал, – прятки от толпы. Стучат вагоны метро, поезд набирает скорость, так и я сначала с натажкой, нехотя, начинаю раскачиваться, заставляю сбросить с себя сонную дремоту, усилием воли сгоняю это ватное желание отключиться от происходящего вокруг и, уже на выходе из стеклянных дверей метро, мысленно начинаю перебирать недоделанные вчера дела. Дорога от метро до работы измеряется двумя выкуренными сигаретами и построением планом на день. На КПК перебрасываюсь парой фраз с постовым, поднимаюсь на свой этаж. Металлическая дверь с электронным замком издает «блям», запуская меня в рабочее пространство. Захожу в темный коридор и слышу, как за спиной, подобно выстрелу мышеловки, с тяжелым грохотом захлопывается дверь.

Проходя по коридору, зажигаю свет. Люминесцентные лампы, жужжа пчелиным роем, начинают перемигиваться. Щелкаю кнопкой чайника, включаю компьютер, и вентилятор процессора принимается подпевать чайнику и лампам. Монотонный и привычный фоновый шум работы. Пока чудеса прогресса просыпаются, раздеваюсь, наливаю чашку крепкого кофе и усаживаюсь в кресло.

День начался – тонны бумаг, терабайты файлов, звонки, люди. Все по привычному кругу.

Глава 2

Повседневная жизнь

В половине десятого приходится отвлечься от рабочего процесса и спешно удалиться на свежий воздух за порцией никотина, поскольку в дверь, переваливаясь, wpłyвает моя соседка по кабинету, привнося с собой запах несвежего белья и потных ног. В помещении сразу же становится неуютно из-за ее взгляда, наполненного мировой скорбью, и вечно недовольного лица с поджатыми губками. В данный момент лучше открыть окно и переждать рассупонивание Алены Егоровны, процесс высвобождения ее из уличной одежды, где-нибудь на свежем воздухе. Возвращаюсь. Через двадцать минут запахи все еще витают в воздухе, но уже не столь явно. К сожалению, самую атмосферу недовольства в кабинете выветрить не удается.

Наши отношения с Аленой Егоровной уже давно разладились, но окончательную «точку тишины» поставил случай, произошедший полгода назад. После очередных разговоров на абстрактные темы, она снова завела песню о том, что у нее нет семьи и детей. Желая как-то разрядить это, я высказала свое мнение о том, что многие люди живут в полном одиночестве. Есть просто бездетные пары, такие, например, как я с мужем, и наша жизнь из-за отсутствия детей не кончена. Да и, в конце концов, у нее есть трое племянников, на

которых она может потратить свою неизрасходованную любовь. В ответ я услышала пожелание прожить мне оставшуюся жизнь без мужа, что, мягко говоря, меня крайне удивило. Вообще-то я человек, не особо верующий в приметы, сглазы и прочие бабкины сказки. Но когда на следующий день мой муж столкнулся с машиной и чудом избежал поездки в больницу, то, поразмыслив, я припомнила и другие чудеса и на всякий случай, во избежание подобных недоразумений, решила прекратить какое-либо общение с этим щедрым на пожелания человеком, честно заявив ей об этом. Заодно, перестраховавшись, поставила пароль на телефон, поскольку неоднократно было замечено присутствие постороннего вмешательства в нем в мое отсутствие. С тех пор в нашем кабинете хранится гробовое молчание, что, впрочем, меня совершенно не угнетает, а, скорее, улучшает рабочий процесс. Ежедневное выслушивание жалоб и недовольство жизнью не улучшают мой жизненный тонус. Я могу посочувствовать человеку, но изо дня в день совершать магический ритуал выражения жалости по расписанию или налаживать жизнь совершенно постороннего мне человека, не входит в мои планы. Странная каста людей, вечно чем-то обделенных и обиженных на весь белый свет. Если на улице светит солнце, то оно непременно слепит глаза, и им будет невыносимо жарко, а если идет дождь, то обязательно они станут ныть о мерзкой погоде, уверяя всех в том, что обязательно промокнут. Каждое утро они будут жаловаться на трудности подь-

ема с кровати и поноют на тему общественного транспорта, где их толкнут, наступят на ногу или обматерят. Но самые любимые темы для «поплакаться» – это их нищенское существование и отсутствие большой и светлой любви. Всё это является потугами вызвать жалость к себе. А их публичные высказывания о своем несовершенстве – всего лишь повод для того, чтобы выудить комплимент, и упаси тебя боже высказаться как-то неподобающе или сделать замечание, – ты сразу же перейдешь в разряд «сук и стерв». Душевные нищие с проказами напоказ, вымаливающие жалость и льстивые похвалы. С их появлением в обществе даже у самых веселых людей не возникает желания лишний раз пошутить, ведь они слишком обидчивы и все могут принять на свой счет. Для них пожаловаться на соседа в ноюще-плаксивой форме жертвы – естественная часть существования. Ну а уж в сборе и распространении сплетен им нет равных. Не имея своей личной жизни, они с удовольствием предаются обсуждению личной жизни звезд, коллег, друзей, родни и всех вокруг, кто подвернется им на язык. Но сами себя они считают интеллигенцией в десятом поколении и образцом целомудрия, что, впрочем, не мешает этим женщинам не стесняясь вешаться на мужчин. Из-за отсутствия впечатлений и эмоций они живут чувствами героев фильмов и книг. Их сочувствие к окружающим шито белыми нитками, оно наполнено ядом и желчью, им не дано скрыть радость за неудачи других, чужие промахи возвышают их. Они органически впи-

сываются в регистратуры советских поликлиник или диспетчерские службы. При обращении к ним чувствуешь себя куском дерьма, отрывающего занятого человека от важных дел какой-то ерундой: потопом от соседей или температурой за тридцать восемь. Конечно, нельзя быть вечно радостным дебилом, это тоже как-то настораживает окружающих. Во всем должна быть золотая середина. Наша жизнь не стоит на месте, в ней всегда присутствуют и радость, и грусть, они меняются местами, после дождя все равно выглядывает солнце.

Часов в одиннадцать телефонный звонок зам. начальника: «Рыжая, зайди», – вырывает меня из кресла, отвлекая от сочинения очередного совершенно не научного и явно никому не нужного опуса о проделанной за неделю работе. В кабинете зама уже собрался «весь цвет нашего общества», оккупировав сидячие места около телевизора и в эркере с обеденным столом. В голову заползла очередная ненужная мысль: «Черт побери, все семейство сурикатов как всегда при делах. Интересно, в их должностных обязанностях есть пункт об обязательной работе по просмотру телевизора»?

– Рыжая, держи свои подарки, – зам. начальника протягивает мне кучу писем из организаций.

– Андрей, может быть, имеет смысл сделать сверку с базой? Мы уже столько времени не сверялись. Сам понимаешь, в последнее время были большие объемы документооборота, надо бы этим заняться. Тем более, у меня сейчас не слишком большая загруженность.

– Не надо ничего сверять, у нас все хорошо. Сиди на работе.

– Ну почему? Пока есть время и возможность, хорошо бы съездить. Ты же знаешь, там есть косяки, – пытаюсь понять его логику и найти причины отказа.

– Я сказал, сиди на месте.

Понять причины упрямства и найти разумные доводы отказа не удастся. Уткнувшись носом в документы, на ходу рассортировывая их, в коридоре я налетела на коллегу, который нес свой ворох бумаг на подпись.

– Севка, привет! – радостно заявляю я и по старой традиции обнимаюсь с ним. Не закадычный друг, но его объятия столь же искренни и радушны, как и мои. Обнимашки с ним, как порция молочного шоколада, всегда подслащивают мои рабочие будни.

– Так я же сегодня уже к вам заходил, здоровался.

– Хм... А я где была?

– Сидела, трудилась, тоже со мной поздоровалась.

– Знаешь, Севка, по-моему, работа – это такой увлекательный и захватывающий процесс, – говорю я, при этом улыбаясь до ушей.

Обед – праздник непослушания на час. Время, когда можно вылезти из форменной шкуры или делового стиля одежды и сбежать от официальщины. С видом заговорщика в кабинет заходит Мария, одетая к походу за стены нашего заведения. Не заставляя себя долго ждать, ныряю в куртку, на

ощупь выуживаю из рюкзака кошелек и вылетаю из кабинета.

Машка – мой спасательный круг, как в работе, так и вообще в жизни. Год назад, спеша на работу с обеда, я обратила внимание на девушку, ждущую кого-то у нас на проходной. Из прочих посетителей ее выделяли ярко-рыжие волосы, но взгляд остановился на ней не только из-за этого. Что-то на уроне подсознания... интуитивно пришло понятие, что это мой человек. Помню, я тогда подумала, что хорошо бы эта девчонка работала у нас в отделе. Мечты иногда сбываются. В тот день она пришла устраиваться к нам на работу. При первом знакомстве сразу же на ум приходит определение – истинно английская леди. В ней нет снобизма англичан, но ее сдержанности могла бы позавидовать любая аристократка. Она похожа на лондонский Тауэр. Со стороны кажется гордой, неприступной крепостью. Пропустив человека в первые ворота, тебя любезно напоят чаем, поддержат светскую беседу, но не более. А вот подъемный мост к сердцу крепости опускается не для всех. Но те, кому посчастливилось попасть туда, познают истинные сокровища человеческой дружбы.

Мы с Машкой любители сбегать в обед с работы. Не столь уж и важно, куда и зачем, просто отвлечься и развлечься. Иногда, когда погода благосклонна к нам, и на улице нет признаков ближайшего выпадения осадков, мы любим отправляться в путешествие по старой Москве. Исследуем уже немногие, чудом уцелевшие, старые улочки города, его дво-

ры, выискиваем дома, на подоконниках которых еще стоят горшки с геранью. Иногда сидим на лавочках Бульварного кольца и ведем борьбу с мороженым, пытаюсь его съесть, не испачкавшись. Когда же настроение не мороженое, то мы просто дурачимся или считаем ворон, при этом рассуждая на совершенно отвлеченные от работы темы. А когда на улице погода изволит расстроиться и пролиться дождем или засыпать прохожих снегом, мы с Машкой становимся открывателями кофеен и кафешек. Вот сегодня мы решили далеко не отдаляться от места работы и отправились в сад Эрмитаж, на входе в который расположилось одно из самых маленьких кафе Москвы. Пространства хватает только на то, чтобы поставить там вешалку, пару маленьких столиков и две стойки у окна. Занимаем самую выигрышную позицию у панорамного окна и делаем заказ. Машка заказывает себе ягодный чай, явно желая вдохнуть в себя ароматы лета, а я, ощущая нехватку эндорфинов, заказываю какао, памятуя о том, что шоколад способствует выработке этих самых гормонов счастья. После первых глотков разговоры о производственных буднях сами собой чахнут, и мы пускаемся в безумство фантазий на тему летних отпусков. Назло и вопреки зиме мы строим планы на солнечные летние дни, любуясь огромными снежинками, устилающими город. Потом возвращаемся в реальность и начинаем обдумывать ближайшие походы на культурно-массовые мероприятия в виде концертов и выставок. На обратном пути заскакиваем в пекарню, покупаем се-

бе круассаны и пару булок, заказанных коллегами, и уже полностью возвращаемся в реальность, неся в себе уют маленького кафе и тепло пекарни.

После обеденного перерыва из соседнего кабинета доносится утиное кряканье, просмотр очередной серии «наставления по утиной охоте» начался. А соседка приступила к просмотру и конспектированию очередного фильма, благо, обременив себя наушниками. В дверном проеме появляется Мироныч, пропихивая вперед какого-то мужчину в камуфляже и с погонами майора.

– Да, Андрей, я вас слушаю, – вытащив один наушник из уха и не поднимая своей пятой точки из кресла, заявляет соседка.

– Алена Егоровна, будьте добры, найдите нам письмо из министерства, присланное вчера.

Бросив оценивающий взгляд на майора, Аленушка сворачивает просмотр фильма и, игриво покачивая волосатой ногой в шерстяном носке и босоножке, приступает к поискам каких-то документов в компьютере. Минут через пятнадцать майор удаляется из кабинета, ошарашенный полученным документом и созерцанием незабываемых видов.

Стучу в дверь босса: «Можно?» – и деликатно просовываю физиономию в приоткрытую щель. Босс на месте и, как обычно, решает неразрешимое, разгребая рабочие завалы. Босс. Когда я его впервые увидела, он показался мне каким-то героем из скандинавских или славянских сказаний,

по нелепой случайности одетый в современный костюм. Не только его крупная фигура, не обремененная жировыми отложениями, говорила об этом, но и взгляд. Так смотрят герои. Твердый взгляд стальных глаз, в которых видны не только ум и сила духа, но и простая человеческая доброта и открытость. Мелкие морщинки вокруг глаз свидетельствуют о том, что человек наделен отличным чувством юмора. Одним словом, он сразу же для меня стал непререкаемым авторитетом. Впрочем, как и для всех, с кем он общается. Босс умеет завоевать доверие и расположить к себе людей, совершенно ничего не делая для этого, потому что он просто такой и есть. Способен логично, четко и ясно ставить задачи. Помогает найти пути решения проблем. За все годы работы под его руководством я смело могу сказать, что мне очень крупно повезло с начальником.

– Заходи, Кир, – кивает он.

– Босс, тут документы на подпись начальнику Управления, – протягиваю ему пачку документов.

– Хорошо. – Он забирает макулатуру и начинает знакомиться с очередным моим творчеством по обращению к начальникам подразделений. Пока он внимательно вникает в плоды моего вдохновения, смотрю на него. Все чаще и чаще я начинаю замечать в глазах начальника усталость. Не ту усталость, которая накатывает в конце рабочего дня, после ударной недели и после сдачи годового отчета, а усталость, которая по капле копится в нас годами.

Глава 3

Про Париж

Заканчиваю работу, выключаю компьютер, выхожу на улицу. В голове, как навязчивый параноидальный психоз, крутятся мысли о работе. Добираясь домой чувствую, как ноги вязнут в сугробах. В метро пушистый воротник превращается в трупик облезлой кошки, а собственное отражение в стекле напоминает мокрую курицу. Снег мелкой манкой, не переставая, с монотонной размеренностью, сыплет под ноги. Горе коммунальщиков – как всегда, крайне неожиданно зимой выпал снег... Хозяева города почему-то отрицают очевидные вещи и отказываются видеть бедственное положение уличного движения. В такую погоду хорошо бы оказаться где-нибудь в тепле... не обязательно в теплых краях, хотя бы в небольшом кафе. А почему бы не выйти на пару остановок раньше из подземелья, заполненного угрюмыми, уставшими людьми, и не заглянуть в кафешку, отложив все свои важные и не очень дела. Открывая дверь, оказываюсь в помещении с теплым, неярким светом, где нет суеты официантов и монотонного гула голосов, сливающихся в пчелиный рой. Где играет музыка, что-то французское, но не заглушая общение людей, а становясь естественным фоном. На стенах развешаны картины, напоминающие Францию времен расцвета импрессионизма, мысли сразу уносятся к Моне, Ван Го-

гу, Пикассо, Ренуару. Помещение разделено на небольшие зальчики, что создает атмосферу привата. Мягкие полосатые диванчики заботливо дополнены подушками-думками. На деревянных столиках с коваными завитушками ножек подрагивает пламя свечи в миниатюрном подсвечнике-абажуре. Чуть слышное соприкосновение теплого фарфора тарелки со столом – и передо мной возникает замечательный креп «Сюзетт». За соседним столом романтический перезвон двух бокалов, а где-то за спиной чайная ложечка неспешно размешивает сахар. Пузатый чайник хранит тепло напитка. Замерзшие с мороза руки сжимают большую чашку, украшенную затейливым орнаментом, наполненную горячим чаем с имбирем и медом. Маленькое кафе с французским шармом. Кажется, что если взглянуть в окно, то увидишь не московскую промозглую зиму, а хитросплетение узеньких улочек Монмартра.

И опять захотелось в Париж. «Зачем?» – спросите вы. Понятнее для всех был бы короткий ответ: «Просто так». Просто так взять билет на утренний рейс до Парижа, потом пара часов монотонного, убаюкивающего шума турбин – и незаметное вливание в общую массу движения аэропорта «Шарль-де-Голь». Просто так взять такси до центра и вскользь, по ходу движения, прикоснуться к городу. Выйти в районе Тюильри, позавтракать в кафе на Де Опера. Ах, эти французские круассаны! Потом неспешным шагом по Риволи, рассматривая витрины магазинов, пройти до острова

Сите. Конечно же, просто так отстоять нескончаемую очередь в знаменитый Нотр-Дам, чтобы просто так посидеть там на лавочке и подумать. Затем пройтись по набережной, обрамленной платанами, вдоль лотков с книжками. Подмигнуть Эйфелевой башне и двинуться на Монмартр. Просто так побродить по запутанным улочкам, вдыхая воздух ушедших дней, и зайти в небольшой ресторанчик, позволив себе немного шикануть с обедом и выпить хорошего вина. Отдохнув после прогулок, отправиться на Шанз-Элизе. Прикупить себе приятных безделушек и пару бутылочек вина, обязательно в Nicolas. А потом обратно в аэропорт, и шум турбин самолета... А на душе навеянное Парижем спокойствие и немножечко светлой грусти. Мечты, мечты...

Чай в кружке еще теплый, поудобней устраиваюсь на диванчике, делаю большой глоток и уподобляюсь Амели с ее мелкими радостями – ломаю сахарную корочку чайной ложечкой на крем-брюле. Растягиваю удовольствие, ехать домой совсем не хочется.

Глава 4

Муж

И снова метро. Толпы пингвинов целенаправленно двигаются в человеческой пробке по переходу, впихиваются в заполненные вагоны, боясь не успеть домой. Стою на остановке, автобуса нет сорок пять минут, успевают замерзнуть даже кости. Подъезжающий автобус толпа берет штурмом, пара бабулек выступает в роли абордажных крюков, вот уже они и сумки-тележки для добычи пропихивают сквозь турникет, до криков дедков «За родину, за Сталина!» осталось немного. Бабищи с непомерными телесами расчищают себе дорогу объемными грудями, прикрывая задний фланг такими же объемными задами. Зажатая лавиной людей, проникаю в автобус. Цепляюсь за поручень, и в попытках отстраниться от автобусного хаоса, закрываю глаза.

Дом. Моя маленькая крепость, которая постоянно требует каких-то действий и работ по хозяйству. Все время в движении, по привычному кругу, не задумываясь, в силу выработанных привычек, тело само выполняет домашние дела. Заученный процесс мышечной памяти. В дверном проеме заскрежетал ключ.

– Ты опять не закрываешь дверь, – в голосе мужа слышится легкое раздражение.

– Здравствуй. Устал? – зачем-то спрашиваю я, ведь и так

видно, что устал. Беру пакет с грязным контейнером из-под обеда и снова возвращаюсь на кухню. Дежурный ужин перед телевизором, практически в полном молчании. О чем-то рассказывать не хочется, понимаю, что ему не до моих душевных переживаний. Он просто устал... Поесть и, ни о чем не думая, включить программу с монотонным бурчанием телевизионных персонажей или политологов-кочевников, слоняющихся из передачи в передачу. Под этот аккомпанемент глаза сами сомкнутся, и он провалится в сон без каких-либо сновидений. Кто-то может позавидовать, глядя на нас с мужем, со стороны мы прекрасная пара. Да, мы неплохо смотримся вместе, не ругаемся и не скандалим, не выясняем отношения даже в стенах нашего дома. Но обычный многолетний быт меняет картину брака. Рутинa не убивает отношения, она приводит к неизбежности перехода на другой уровень.

У Сургановой есть мудрые строчки: «Не привязывай тех, кто любит, и к любимым не привыкай...» Мы привыкли друг к другу. Наш брак не пребывает на грани развала. Наши отношения не превратились в привычку совместного проживания. Но они стали «тапошными»... Старые тапочки, местами они уже протерты, да и рисунок на них не столь ярок, как в день покупки, но они привычны и любимы. Стопа ныряет в такую знакомую растоптанную тапку, прячась в привычный уют и разношенность по ноге. Как и во многих браках, которые длятся многие годы, к нам незаметно подкра-

лась монотонность, со временем яркие чувства стали выцветать. Кажется, мы слишком хорошо друг друга знаем, чтобы чему-то удивиться, мы перестаем вслушиваться в пустую болтовню на абстрактные, отвлеченные от семейного уклада темы, слышим только бытовые вопросы, которые надлежит решить. Чувства не стали черствыми, все так же ощущаются забота, сопереживание, но они стали пресными, в них нет не то что салюта, в них нет даже огоньков. Вечера расписаны до конца жизни – ужин, просмотр телевизора, сон. Наши отношения стали монотонны и размеренны, как тиканье будильника в ночной тишине пустой квартиры.

Глава 5

Рабочие моменты

Утро неизбежно. Кофемашина рычит и, захлебываясь, выплевывает порцию в чашку. Все по привычному кругу. Опять работа. Два часа спокойной жизни, когда еще никого нет на работе, когда мозг не загажен сторонней информацией. За два часа можно успеть сделать работу в половину рабочего дня. Захожу за почтой в пока еще пустой кабинет замов. На столе Мироныча, около аккуратно сложенной стопки документов, меня, как всегда, встречает сиротливая кружка с вьевшимся налетом заварки на стенках. За компанию со своей не помытой чашкой прихватываю и ее. Я знаю, что он обязательно скажет мне: «Спасибо», – он всегда говорит так за добрые дела, а мне всегда это приятно слышать. Я тру губкой ее стенки, мылю и пеню, но заскорузлость темно-коричневой грязи упрямится и наотрез отказывается отчищаться, она уже выросла в белоснежный фарфор и стала неотъемлемой частью этой кружки.

Неожиданно ранний приход босса выбивает меня из привычной колеи. А его предложение пойти попить кофе в кабинете у Мироныча и там же покурить, тем более, дезориентирует окончательно. Сигаретный дым беззастенчиво заволакивает кабинет. Босс что-то вещает про постройку дачи, а я сижу, слушаю его и думаю совершенно о другом. «Босс,

скажи, когда все это началось? Какой день, месяц можно считать точкой отсчета развала нашего отдела? Почему все пошло не так? Почему твое детище, которое ты выстраивал долгие годы, подбирая сотрудников, боролся с руководством за статус отдела, то, во что ты вложил столько сил, начало разваливаться? Почему когда-то, очень давно, наш отдел был как одна большая семья. Мы ездили отдыхать все вместе. Слаженно работали, помогая друг другу и поддерживая. Что произошло? Почему ты, человек, не терпящий подхалимства и лести, допускаешь, что ведущие партии исполняют те, кто лучше умеет прогибаться, кто устраивает выезды на охоту руководству; те, кто громче всех плачется на свою горькую судьбину и с упорством дятла стучит на своих коллег. ПОЧЕМУ?» На пороге возникает Мария. Мой маяк, мой спаситель от безумств этой жизни. Под благовидным предлогом обсуждения рабочих моментов я вместе с Машкой ухожу к себе, оставляя в кабинете сизые клубы дыма и неразрешенные вопросы.

Как обычно, ближе к десяти, в кабинет зашаркивает Елена Егоровна. Переодевшись, она куда-то устремляется, но через пять минут снова возникает уже с какой-то неопределенной тряпкой в руках. И тут начинается действие. В непонятной позе скрученного параличом ламантина, повернувшись к дверному проему пятой точкой, она начинает протирать высохшие и свежие следы от обуви сухой тряпкой. Мы с Машкой, замерев и боясь пошелохнуться, наблюдаем за ее

движениями, поскольку за ней отродясь не водилось склонности к порядку и чистоте. Судя по тому, что она пытается произвести какие-то действия сухой тряпкой по почти сухим следам, сие деяние ей действительно в новинку. Как по волшебству, неслышно, около двери возникает пришедший ко мне сотрудник подразделения. Завидев эту картину, парень цепенеет, не в силах даже поздороваться. И тут наши с Машкой нервные системы и здравые рассудки дают сбой. Как две здоровые кобылы, мы начинаем истерично ржать. Аленушка испуганно подпрыгивает, бросая кокетливо-смущенный взгляд на пришедшего, а нам с Машкой достается взгляд, полный ненависти. Покраснев от притока крови к лицу, от физических упражнений и злобы, размахивая грязной тряпкой, Алена в спешке покидает наш кабинет. Действо закончено. Бурные аплодисменты, переходящие в овации.

Через пару часов, уже в предвкушении обеда, в приподнятом настроении, бодро шагаю по коридору с полным чайником. Навстречу мне, из кабинета начальника, с победоносно гордым видом выплывает Алена Егоровна, затем, отводя глаза в сторону, проходит Мироныч, последним появляется сам босс. Его взгляд полон презрения ко мне... За ворот мне как будто кто-то запустил горсть муравьев, чайник скособочился, намочив обувь, а в глазах застыл вопрос: «За что, босс, что я такое натворила?» В мир реальности меня вернула Машка, ухватив чайник за бока и спасая его от окончательного опустения. Весь обед прошел в состоянии

полного коматоза, в бездумном разглядывании ручки шкафа и в попытках упорядочить сумятицу в голове. Ничего не придумав, иду курить. Курение, как правило, стимулирует мой мозговой процесс, хотя я прекрасно понимаю, что это самообман и самовнушение, но все равно мне почему-то так проще сконцентрироваться и собраться. В курилке натыкаюсь на все тех же, но без Алены. Уже изрядно отобедав и откушав явно не только пищи, но и горячительных напитков, Миرونч отзывает меня в сторону и, нахлобучив капюшон так, чтобы не видно было его глаз, начинает доходчиво объяснять, чтобы я не смела больше никого ни с кем обсуждать. Первая реакция, уже ставшая для меня сегодня нормой, – это шок, что за хрень он несет. Потом, вспомнив потуги Алены Егоровны с полом и тряпкой и наше с Машкой веселье, начинаю осознавать весь этот бред. Злясь на абсурдность происходящего, заявляю, что не собираюсь давать подобные обещания, поскольку имею свою точку зрения. А про себя добавляю: «То, что ты ввязался в бабские дразги, не делает тебе чести как мужчине. А то, что, ввязавшись в эту куриную войну, даже не попытался разобраться в ней, показывает, что ты далеко не лучший руководитель. И то, что ты поверил этой курице и тому, что она наплела, говорит о твоём не слишком остром уме». Прищуриваю взгляд и помужски, щелчком, отправляю недокуренную сигарету в урну, туда же устремляется и мое хорошее отношение к этому человеку. Курить как-то резко расхотелось, как и оставаться

в его обществе. Резко разворачиваюсь и ухожу. Тошно. Одно из самых мерзких ощущений – разочарование. Разочарование в людях, даже не в близких, бьет по сознанию, отправляя в нокаут.

Хорошо, когда есть подруги, но знаю, что задушевные посиделки не принесут спокойствия. Их понимание и согласие с моей точкой зрения – это всегда хорошо, но сейчас не то, что мне по-настоящему нужно. Следует абстрагироваться от всего, «подумать ногами», посмотреть на все со стороны. И вот я уже на вокзале, сжимаю в руке билет на поезд. Однодневная поездка за раздумьями.

Питер встречает вокзальной суетой. Санкт-Петербург стал похож на красивую открытку, а Невский превратился в витрину модного бутика, заполненного сплошь брендами. Парадные фасады домов сияют чистотой и свежими красками, а окна смотрят на улицу пустотой равнодушия. Невский – лицо помпезности и роскоши города. Но во всем этом, мне кажется, есть фальшь, ненастоящность, в нем не осталось самого Питера, его души. Но остались питерские дворы. В любой подворотне открывается вся сущность моего Питера: его грязные колодцы дворов, где обшарпанные стены домов жадно тянутся к небу, но солнце не может заглянуть в мутные глазницы оконных рам. Город похож на людей... За красивой одеждой порой прячется весьма гнилое нутро. Питер срывает с людей одежду, показывая человеческую суть. За приветливой улыбкой прячется фраза «ты тут не нужен», а

за солнцезащитными очками – равнодушный взгляд. Рваное небо, окаймленное колодцами дворов, с проходами – переходами в другие, ничуть не лучше дворы, в них можно заблудиться и сгинуть навеки. Облупившиеся стены домов – с них сорвали кожу, и теперь они чувствуют этот мир каждым своим нервом. Ржавые водосточные трубы – рваные вены. Сгнившие пожарные лестницы – иллюзия спасения от пожара, крах надежды. В каком-то дворе валяются обрывки мишуры, конфетти и прочих атрибутов Нового года. К мусорному контейнеру сиротливо жметя уже давно никому не нужная елка, по снегу стелется серебристый дождик. Пересекаю двор, втапываю в снег и грязь чей-то праздник, чей-то уже отпразднованный Новый год, так бездумно выброшенный кем-то.

Ближе к вечеру я добралась до набережной. Сфинксы, рожденные под знаком близнецов, смотрят на окружающий мир с высокомерным равнодушием, им нет дела до проходящих мимо людей, до этого города, до брэнности мира. Все это и есть Питер. Я вдыхаю воздух города, и суть вещей становится яснее. Этот город сделал мне подарок, я получила ответы на свои вопросы. Стук колес успокаивает и клонит в сон. За окном проносится жизнь. Питер не держит меня. Со спокойной душой я возвращаюсь домой. Но Москва не простила мне маленькой измены, встретив очередным циклоном, ветром, несущим в лицо мелкие иглы мокрого снега.

Глава 6

Увольнение

Очень часто мы планируем начать новую жизнь с понедельника. Я не планирую, у меня вообще нет планов. Шагаю на работу – две сигареты без планов на день, неделю, год. Каждый шаг в сторону работы дается через «не хочу», как будто на ногах оковы с пудовыми гириями, все естество сопротивляется. А в голове раз за разом возникает взгляд босса, вызывая в душе очередную волну душевного озноба. Последние события изменили мое отношение к работе. Никогда не работала «лишь бы отстали», всегда на результат, а сейчас не хочется даже «на отвали», не просто не хочется, а приходится затрачивать все силы, чтобы хотя бы присутствовать на работе. Мне никогда не нужны были хвалебные оды и вымпелы ударника труда, достаточно было просто хорошего отношения. Всю свою трудовую жизнь работала с душой, с интересом, а сейчас просто остановилась и стою, как будто какой-то стержень, основу вынули. За двадцать лет на одном месте сродняешься даже со стенами, становишься частью не только коллектива, но и самого здания. Захожу в отдел... это не мой отдел, какое-то уже все чужое. Привычное жужжание техники не располагает к работе. Завариваю кофе и перетасовываю маски сладкой дурочки, тупого быдла, деревенской простушки и прочих персонажей, выбирая маску на сегодня.

Любую – но ни в коем случае не показывать усталость и слабость, обиду и боль. Делаю над собой невероятное усилие и направляюсь на разговор с начальством. Застаю босса и его зама за утренним чаепитием.

– Доброе утро, – как ни в чем не бывало, здороваюсь. В ответ получаю кивок головы зама.

– Доброе, Кира. Ты чего хотела? – любопытствует начальник.

– Босс... – У меня происходит заминка, а потом, закусив удила, с отчаяньем самоубийцы, уже сделавшего шаг из окна Москва-Сити. – Босс, я вчера подходила к Миронычу с вопросом о поездке на базу. У нас действительно накопился ряд вопросов, которые надо там решить. Есть неточности и расхождения, надо найти ошибки. Мироныч сказал, что у нас все в порядке и никуда ехать не надо, – при этом, не стесняясь, смотрю прямо в глаза Миронычу. В данный момент у него нет спасительного капюшона, которым можно прикрыть глаза.

– Я такого не говорил, – с абсолютной верой в свои слова заявляет он. Что ж, очередная волна выборочной амнезии, удобной для него. Пусть. И тут меня прорвало. То, что было очень страшно сказать, но надо, само срывается с губ:

– Я просто решила увольняться, не хотелось бы вот так уйти, оставив что-то недоделанным.

– Хорошо, поезжай, – соглашается со мной босс. Но в его взгляде удивление, он явно не ожидал, что я решусь уволить-

ся. Миронич не то чтобы не ожидал, он не верит. Мне это уже не важно, я сделала свой выбор, сказала то, что должна была сказать. Мир не рухнул, и даже земля не ушла у меня из-под ног. Только очередная волна удушья и озноб, идущий из души, добрались до сознания. Сжимаю кулаки, ногти впиваются в ладонки, только бы не показать свои чувства, не проронить ни капли эмоций. Разворачиваюсь и выхожу. Тело не очень слушается, а в голове какой-то винегрет. Открываю соседнюю металлическую дверь и вытаскиваю некурящую Машку на перекур. В курилке сбивчиво и не очень внятно пересказываю сегодняшний поход к руководству и последствия моего выступления. Три сигареты за раз, с глубокими затяжками – немного отпускает, тело начинает адекватно реагировать на импульсы мозга, но больших изменений пока нет.

Каждая поездка на базу – как мини-отпуск. Во-первых, я избавлена от поездок в общественном транспорте. Машина – мой маленький мир, обустроенный под меня. Мое пространство. Возможность в любую минуту прикурить сигарету или сделать глоток кофе без опасений, что в самый неподходящий момент пихнут в бок. Музыка под настроение, исполнитель и громкость звучания на мой выбор. Жизнь гораздо яснее и четче через окно лобового стекла, нежели аквариумного стекла автобуса. Еду, наблюдаю за происходящим вокруг. Солнце скользит по крышам домов. Оно не цепляется за шпили башен, а спешит подняться выше, набрать

силу, чтобы осветить мир. Зимнее солнце не может растопить снег, оно морозно, его лучи еще не жгут глаз, они просто светлы. Солнце разбрызгивает в жизнь золотую пыль. Мир превращается в огромный кусок янтаря, в котором почему-то не застыло время, в котором продолжается жизнь с движением, поступками, мыслями, чувствами. Живой кусок янтаря. Спешу на работу, нога прижимает педаль газа, а сама вспоминаю похожий день, когда мир тоже был бесценным, причудливым янтарем. Янтарь с вкраплениями чувств, трещинками эмоций, причудливыми формами жизни, дарящий и благодарно принимающий тепло души. Движение времени, океан жизни шлифует кусочки янтаря, доводя до совершенства солнечный камень – камень, в котором живет душа.

Во-вторых, вроде бы и работы не меньше, а то и больше, но дела там спорятся, легче работать, нет массы раздражающих факторов. Сажу в каптерке «папы Карло», в окно светит солнышко, попутно из щелей залетает сквозняк, аж небольшой флажок на столе развевается.

Оказывается, это великое счастье – спрятаться от всех и сидеть делать свою работу, чтобы никто не дергал.

Делать то, что понимаешь, знаешь и любишь, трудиться в свое удовольствие. Я почти забыла, каково это. По всей видимости, и о московских пробках успела позабыть, полностью погрузив себя в работу. Дороги, магистрали, шоссе. Пишу письмо шинами автомобиля.

Асфальт – чистый лист жизни. Сплошные – разделение

жизни на «до» и «после», прерывистые – попытка свернуть в другую сторону. Мигающие светофоры – дежурящие постовые. Театр начинает свое представление. Мой помост – асфальт дорог, мои софиты – уличные фонари. Каждый поворот руля – это импровизация. Сколько же тут актеров. Каждая машина играет свою роль. Вот прилежный семьянин спешит домой, припозднившись с работы, лицо усталое, мысль одна – добраться до дома и спать, не слушать бесконечный монолог жены, молча, тупо проглотить макароны с сосиской и спать. Его Nexia, как он считает, едет быстро, но крайне осторожно – включен автопилот мысли о доме. На самом деле, на скорости 50 км/ч в левой полосе не катаются. Мимо проносится Mazda – музыка бьет гейзером из каждой щели – подмосковная молодежь куражится. Движение по клубам с целью набрать побольше очков в понтовости и закадрить побольше телок. А вот новенький Lexus с новомодными примочками проносится мимо, стараюсь держаться подальше от «золотой молодежи», ведь игра в пятнашки до добра не доводит. Большой черный джип – весьма представительный господин в дорогом костюме с бандитской физиономией ведет серьезную беседу по сотовому, а ведь мне казалось, что лихие девяностые прошли, ан нет – они перетекли вот в таких господ. Выражение лица: ему все кругом должны, и на дорогах в том числе, так что не стоит утруждать себя включением поворотников. Обгоняю тонированную шаху – хатчмобиль. Но тут все ясно: хотите получить адреналин в

кровь – пользуйтесь услугами арбузных баронов. Москва – разношерстная столица, и на помостах асфальта играют разнообразные актеры. В Москве не бывает пустых дорог, где-нибудь, да встанешь в пробке. Добралась до центра – стою в пробке, наблюдаю за жизнью. Вот две машины с мигалками не могут разъехаться на разделительной полосе. Забавно.

Кругом огни, вот они, белые ночи Москвы. В центре не бывает ночей, тут вечный день и вечный праздник. Дорогие магазины, дорогие машины, дорогие люди. Внутри рождается отторжение этой дорогой жизни. Нет злобы, раздражения, просто неприятие огней мигалок и магазинов. Еду дальше. Из-за новых домов «Барби» выглядывает угол старого здания с одиноким окном в глухой стене, и душу заполняет тоска по Питеру.

И вот мечта о Питере осталась позади. Из толпы пешеходов взгляд выхватывает человека. Просто человека. Без гламурного лоска, обыкновенного, буднично одетого. Он бодро шагает в сторону метро. Провожая его взглядом, рассуждая о том, кем бы мог быть этот человек. Примеряю на него маски и слепки разнообразных персонажей, специальностей, личной жизни. Толпа пешеходов отдала почести полосатой «зебре» и прошествовала дальше, по своим очень важным делам. Опять парад мигалок, и все жмутся, пропуская тонированные стекла, за которыми прячутся «слуги народа». Тормоз – газ машинально, дорога домой на автопилоте. Бреду сквозь вязкую реку пробок. Лицо озаряется крас-

ным огнем стоп-сигнала впереди стоящей машины. Кругом
огни. Подмигнув в ответ мигающей стрелке светофора, на-
конец-таки вырвалась из сонного царства пробки.

Пару минут спокойного движения, и вот я ставлю автомо-
биль на сигнализацию – мое выступление на сегодня окон-
чено.

Глава 7

Азбука

Через две недели рапорт на отпуск с последующим увольнением со всеми подписями и визами лежит в отделе кадров. Свобода. Но осталось еще одно дело. Длинный, затянутый в узел бесконечности сквер. Он настолько нескончаем, что, бредя по заснеженной аллее, я окончательно тону в своих тараканьих мыслях, вороша квинтэссенцию памяти.

Ставя подпись в свидетельстве о регистрации брака и счастливо улыбаясь выбранной половинке, а также родственникам и друзьям, столпившимся у ЗАГСа, люди, как правило, не планируют завести себе любовниц или любовников. Такой поворот не вписывается в наши планы. Все происходит случайно, без расчетов и планов. Связь на стороне от семьи... у всех, наверное, это происходит по-разному, у всех, впутавшихся в подобные истории, свои причины. Кто-то, неудовлетворенный количеством и качеством секса, заводит интрижки, разбавляя привычность семейной постели и пополняя свой сексуальный опыт. Кому-то просто не хватает общения, понимания и поддержки, для них это маленький тайм-аут от постоянного выноса мозга или вечного брюзжания их второй половины, их маленькое тайное убежище. Для кого-то это попытка разбавить пресность семейного быта, вспомнить почти забытые ощущения влюбленно-

сти, когда способен на чудеса. У каждого свои сказки для двоих. Любовники для тела, для разума и для души. Говоря «любовники», мы забываем про суть этого слова. Все же производная в нем – любовь. Есть сексуальные партнеры, есть друзья, а есть любовники. Любовники – страна зазеркалья, где живут охотники за иллюзиями, ловцы миражей, вечные пилигримы парков и кафе, визитеры гостиничных номеров и съемных квартир, коммивояжеры с ключами от дверей в никуда. Любовь на пару часов. Любовь с секундомером в руке. За отмеренное администратором время успеть все, прожить маленькую жизнь. Отдать все, получить все – на износ души и тела. Танец рук, слиянье душ. Любовь захлеб, переступая черту. Однажды я тоже стала одной из тех, про кого поется в песне: «Мы могли бы служить в разведке, мы могли бы играть в кино...» Такой же ловец иллюзий, пытающийся поймать свое счастье и привести к равенству неразрешимую задачу со всеми известными.

На свете существует несметное количество программ, сайтов, ресурсов для общения людей. Мы впускаем их в свою жизнь, развлекаем себя в рабочее время видео- и фото-спамом, тратя вечерние часы, проведенные дома; при общении с друзьями мы тоже частенько заглядываем в телефон. Мы создаем свой мирок, играем, живем в нем. Через смайлики передаем эмоции, как азбуку Морзе, отбиваем чувства. Через мерцание экрана пытаемся разглядеть родную душу. Интернет – это мир, мир человеческих иллюзий.

В каждом человеке свой мир. Мы действительно рисуем его себе и в нем живем. Рисуем огромные мегаполисы, когда нам одиноко, обволакивая себя сотнями контактов из сети. Создаем маленькие заброшенные домики в горах и сбегает туда, когда есть родственная душа, и разговор переходит в приват. Когда нам грустно и плохо, там идет снег и тихо ложится на опавшие и заблокированные контакт-листы. Мы замерзаем, и пальцы сводит от холода. Но стоит услышать доброе слово, и снег перестает валить хлопьями, а на горизонте встанет солнце – теплое, ласковое, нежное.

Когда тянет на размышления, там идет дождик, и мы бредем куда-то, думая о своем, не обращая внимания на случайные запросы авторизации. Восторг, восхищение – солнце обжигает кожу. Это целый мир. В таком мире иллюзий я познакомилась с человеком, который стал для меня очень многим в жизни. Он первый прислал сообщение: «Привет, пернатая». Аватарка девочки с черными крыльями подсказала ему правильное обращение ко мне.

Он заглянул на сайт знакомств от нечего делать, немного отвлечься от рабочего процесса, без цели найти кого-нибудь, просто поболтать. Наша ни к чему не обязывающая болтовня переросла во что-то большее, чем случайное знакомство. Мы, как два магнита, на космических скоростях притягивались друг к другу, нас обоих все больше и больше затягивал водоворот отношений. Через полгода ежедневной переписки, все более открытой, раскрывающей душу, я стала

замечать, что, читая его письма и сообщения в сети, чувствую его дыхание у себя за спиной, он был рядом, очень близко, а я боялась обернуться, чтобы не спугнуть этот мираж. Понимая неизбежность притяжения, мы вышли из мира интернета в реальность.

Он оказался простым человеком, с непростыми серо-голубыми глазами, меняющими свой цвет от погоды или настроения. Дмитрий Волков, Митька, Сказочный зверь, Чернослив и еще куча нелепых прозвищ. Я влюбилась, влюбилась окончательно и навсегда. Полюбила и приняла. Я никогда не идеализировала его. Всегда принимала таким, каким он был, со всеми достоинствами и недостатками, принимала полностью и безраздельно. Он уходил от меня, сославшись, что ему тяжело разрываться между мной и женой, но, наверное, все же это была отговорка, хотя... не знаю... Главное, что потом он все равно вернулся.

Недавно наткнулась на нашу с ним переписку многолетней выдержки. Письма длиной почти в четверть жизни. Терабайты переписки, тонны эмоций всех видов; километры чувств почти всех сортов; пучки фраз; поштучные, авторской работы, слова. Колоссальный объем всего невозможного. Что-то отправлялось ему, что-то откладывалось в стол, что-то зарывалось на дно сундука. Открыла крышку, перетряхнула скопившуюся писанину... рукописи не горят, и писанина тоже не горит, она истлевает от времени, становясь трухой и прахом. И все же я храню. Пересыпаю осколки на-

шей переписки из ладони в ладонь, какие же они... как будто не отсюда, не про нас, вытаскиваю переписку наугад, хаотично и без разбора, даже не пытаюсь, не хочу собирать их в единое целое. Память в чистом виде. В памяти всплывают строки нашей старой переписки.

Волк: *«Уже соскучился... ты мне и правда нужна... я не знаю, как тебе объяснить это... чудо мое... глупый ты мой птиц... мне нравится быть с тобой и ощущать тебя рядом... у нас все будет хорошо...»*

Глип: *«Не знаю, что будет, но от твоего письма... Как-то сразу тепло становится. Что-то внутри сжимается, и душа согревается. Такая нежность просыпается. Я сейчас вспомнила, что могу свернуться в маленький комочек перьев и угнеститься у тебя в ладошках. Как же в них дивно. А если будешь плохо себя вести, могу даже клюнуть тебя пару раз))). Я вредный ведь птиц!»*

А вот последнее письмо, отправленное ему:

«Привет, Митька, мое с кисточкой тебе и просто трям.

Думаю о тебе... ты сейчас далеко. Скучаю? Странное оно, это слово... «скучаю» – пробую это слово на вкус... оно похоже на резиновый мячик, оно так же упруго и так же бойко язык отскакивает, как мяч от стены. В нем нет мягкости. «Скучаю» – не мое слово... моя жизнь не дает мне никаких шансов на скуку, все как-то некогда. «Скучаю по тебе...» – размазано розовыми соплями мимишных смс – вина

человечества, слишком затаскано. Только когда вижу тебя, когда ты рядом, до меня начинает доходить вся нехватка тебя за прожитое время, и я начинаю сразу же впитывать тебя, платой за уже истекший период времени и немного авансом про запас. Кутаюсь в мысли о тебе... ты всегда рядом... Память моя – погружаюсь в теплую негу воспоминаний о тебе, прикрываю глаза и снова оказываюсь... чередой гостиничных номеров и квартир, калейдоскоп интерьеров, но это все фон, это все неважно... там есть ты... Всегда помню твои глаза, затем по спине пробегают мурашки – помню твои руки, прикосновения, а еще твоё дыхание, голос... десертом вспоминаю твою улыбку, она у тебя такая настоящая... помню тебя. Теплая волна... Нежность моя – все так же с закрытыми глазами тянусь к тебе, чтобы отдать все то, что рождается в душе, но что невозможно в полной мере понять и облечь в слова...

Самое удивительное то, что, несмотря на безумные события дней, ты все равно где-то на подсознательном уровне присутствуешь, и мысль о тебе успокаивает сознание. Некоторые дамочки носят в кошельках фотографии своих близких... никогда не понимала этого... Зачем? Ведь ты... Мне не нужна твоя фотка в кошельке, у меня есть гораздо больше, чем выхваченная фотоаппаратом секунда жизни, глубже, чем кошелек с разменной мелочью... ты настоящий... во мне, в душе, в сознании, «под кожей». Не умею складно говорить, но смею надеяться, что ты понял, что я хотела сказать. А еще очень греют твои письма... пусть

пара строк, но... так тепло от них... – улыбаюсь. Ну вот... немного выдохнула, теперь с чистой совестью можно пойти в душ и смыть с себя остатки этого дня, а затем броситься под одеяло и, закрыв глаза, вспомнить тебя... и только после этого со счастливой улыбкой заснуть».

Неспешно бреду на свидание, а мысли – как разноцветный клубок ниток, перепутанный каким-то зверьком. Обрывки наших встреч, наших писем, нашей жизни. «Мой?» – и в ответ чуть заметная улыбка в уголках губ; прикрытые глаза в знак согласия. Со священным трепетом произнести сокровенную фразу «мой Митька». Начиная слово, губы слегка сжимались в нерешительности, в боязни спугнуть чудо, а затем выплескивались все чувства, вложенные в такое простое и обыденное слово «мой». «Мой» – спелая лесная малина: «м» – придавливаешь ягоду и чувствуешь сладкий сок, «о» – маленькие косточки шероховато перекатываются языком, «й» – то протяжное, сладкое послевкусие, остающееся в памяти. Буквы, слова... все они рождены нашими встречами, нашей жизнью. Это азбука, выведенная рунами на наших линиях жизни.

А – Август. Месяц, в котором он вернулся ко мне. Обретенный мною конец августа. Вдрызг пьяный август. Мы сидели и пили с ним коньяк на кухне, болтали о какой-то чепухе и смеялись, но где-то там, где вертится веретено человеческих судеб, уже все было предрешено, наши линии жизни

снова переплелись. Мы пили коньяк, и он был рядом в этот августовский, такой нереальный вечер.

Б – Башенки. Маленькая кухня в пятиэтажке, за окном башенки отремонтированного дома. Наш с ним спор на желание по поводу этих башенок. Так и не исполненное им и не загаданное мною желание. **Близость** – от истоков души древней вязью бежит по венам, прорастая в узорах ладоней, сплетаясь в единый орнамент при соприкосновениях рук.

В – Волк. Ворона. Из букваря высунулась морда сказочного волка. То ли ворона его взъерошила, то ли воробей его взлохматил, но, клацнув зубами, волк помчался по своим очень важным волчьим делам. Так уж сложилось, что одно из обращений в письмах к нему был этот зверь – его аватарка. **Ворона** – одно из его обращений ко мне, рожденное также из моей аватарки – девушки с черными крыльями. **Время...** которого нам всегда было мало, и в то же время бесконечно много.

Г – Глаза... его глаза небесного цвета... дарящие чувство полета, то ли к небесам, то ли в бездну. Мимо с гиканьем пронесся маленький (ну, относительно маленький, условно маленький) дракон **Глип**. Мой ник почты.

Д – Дать – протянутая рука с раскрытой ладонью, отдать ему все до последнего. **Душа...** кусочек которой когда-то был отдан на все той же ладони. Для кого... имя, которое редко произносится или пишется, – **Димка**.

Е – Можно найти слова на эту букву, но букварь не обма-

нывает. В букваре на нее запрет. Она закрыта не одной, а уже целыми двумя печатями. Наше негласное табу на темы семейной жизни.

Ё – Ёрзать. Удобное кресло, лавочка, но разве на них можно усидеть спокойно, когда идет спор, да и вообще просто ёрзать, угнездываясь поудобней с ним рядом.

Ж – Жизнь. По всему букварю пробегает извилистая тропинка, можно оглянуться и увидеть пройденное, но что скрывается впереди этой дороги, никогда не знаешь, название этого пути **жизнь**, и на этом пути все еще есть место слову. **Желание...** как когда-то в его смс... «хочу тебя всю...»

З – Запах... несказанно родной запах... Зарыться, уткнуться носом и вдыхать самого близкого человека.

И – еще одна железобетонная стена с дверью, на которой висит печать запрета его семьи.

Й – то самое сладостное послевкусие СЛОВА, точнее, местоимения.

К – Крылья, рожденные так давно, что, кажется, это было в другой жизни, и снова очнувшись. Может быть, они начали просыпаться от сладкого **Крем-брюле** или от **Коньяка**, поданных нам в одной из французских кафешек в Москве. А может, они проснулись от касания неба... Еще есть наша с ним прогулка по **Каткиному** саду. Это был поход в прошлое – поход во двор его детства, с домом, у которого лифт, как опухоль, выпучивает шахту, с натянутыми стальными тросами-нервами подъемника.

Л – Ладощки... в них так уютно прятаться, непоколебимое чувство защищенности, спокойствия. Только его ладони дают чувство надежности. Ластиться, напрашиваться на ласку, потому что **Любовь**, она разная, и это просто одно из проявлений ее.

М – Мандарины, наш мандариновый культ. Протяжное, со смыслом, с удовольствием или интригой **м-м-м-м...** одна из самых сладких букв в букваре, потому что **Мы**; потому что **Мальчишка**; **Малыш**, и обязательно с мягким знаком, так мягче, теплее; потому что **Митька**; потому что **МОЙ**.

Н – **Набережная** Воробьевых гор, прогулки, разговоры, много всего, что держит память. Именно там наш первый поцелуй. Я не помню поцелуи других людей, но этот остался печатью в душе на всю жизнь. Конечно же – **Нежность**... стекающая с кончиков пальцев, печатающих текст или прикасающихся к щеке, во всем нежность. А за этим всем наблюдает **Небо**.

О – **Октябрьское поле**. **Набережная** на **Октябрьском поле**. Перед глазами стоит живая картинка, нет, не из прошлого, она актуальна и сейчас. Она, наверное, останется неизменной до конца дней. Скорее всего, именно так я его и представляю. О чем-то задумавшимся, смотрящим в даль, через границу реки и этого мира, куда-то в не здесь, в не сейчас. **Одиночество** после его ухода.

П – ворох **Писем**, написанных глупым **Пучком** **Перьев** (еще одна моя кличка), и чуть поменьше ворох, **Полученный**

Птицем (и еще одно обращение его ко мне). Рядом с ворохом покоится злосчастный мешок с **П**люшем и **П**оролоном, которым он обещал меня наказать за плохое поведение... на самом-то деле это здорово, дурачиться и нести **П**ургу. Еще дурацкое, но очень в тему, словечко, рожденное в нашей **П**ереписке, опечатка в слове «прикрыли» тему на «**П**рирыли» тему. **П**амять, которою то пытаешься стереть и выжечь дотла, то, как самую большую ценность, бережешь. **П**устота... было и такое. Его **П**рикосновения, он держит меня за руку, слегка поглаживая, а я... все время куда-то стремлюсь, попрыгать на одной ножке, получить по заднице, соорудить ему рожицу.

Р – **Р**уки – прогулки за руку, под ручку, один фиг рука съезжает в напопный карман на штанах, ну так ведь удобней. **Т**анец наших рук прикосновения...

С – из **С**нега, на гранитном парапете набережной, как живое, вылепленное нашими совместными усилиями неведомое чудо – **С**неговик. Художественная лепка снеговиков. Думаю, все мастера эпохи Возрождения должны были плакать от зависти, а сюрреалисты – так вообще рвать волосы и рыдать в бессилии от нашего творения. И этот снеговик – тоже персонаж старой и доброй **С**казки на двоих, только для нас с ним. А еще из букваря разноцветными бабочками вылетели **С**ны, сны про **С**тарый провинциальный город, который мне с завидным постоянством снится, в котором почему-то живет он. **С**алют, который после распития коньяка он так и не

ВСПОМНИЛ.

Т – Память пронзили две иглы **Труб** с бело-красной боевой раскраской, фабрика по производству облаков. Они были видны из окна гостиничного номера. Домики для бесприютных пороят, мы тоже были этими свинтусами. Наши обеды в «МУ-МУ», ведь просто поесть – это так скучно, гораздо интересней, а главное, вкусней, **Тырить** кусочки еды из его тарелки. **Ты** и наполненная **Тишина**.

У – маленькие лучики разбегаются от небесных глаз, приподнятые уголки губ... **Улыбка**, до замирания сердца, любимая улыбка.

Ф – ступеньки у метро «**Фрунзенская**»... Безумный концентрат памяти – лесенка **МДМ**. Я любила спешить к нему, а потом ждать. Ведь в ожидании его, как в ожидании сказки, тоже есть своя прелесть. В памяти осталось зыбкое, дрожащее отражение **Фонарей** Лужников в темной воде Москвареки. **Февральский** ливень, от которого мы прятались в подворотне. Наушники на двоих, в которых звучит **Zaz**, и мы, соединенные тонкими проводками, целующиеся как подростки.

Х – **Хвост**... Не так уж важно, птичий или волчий, вот просто хвосты, и все тут. **И**, конечно же, я – великий заяц **Хваста**, вечно хвастающийся какой-то несусветной фигней, чтобы улыбнуть его))).

Ц – не ко времени года **Цветущие** каштаны. На улице октябрь, высохшие пожелтевшие листья из последних сил со-

противляются порывам ветра, а ветви рожают новые. Под ногами уже созревшие плоды, и я, с безумством жадной белки, распахиваю их по карманам, они вываливаются, а я все продолжаю распахивать по укромным уголкам одежды, его смех и обещание соорудить мне какое-то чудо-юдо из них. А над головой – цветущие каштаны.

Ч – иногда в жизни случаются Чудеса... Чашка, выкрученная на гончарном кругу с изображением Семаргла, специально для него. Я люблю делать ему авторские эксклюзивные подарки. Еще память давит щемящей нежностью – прогулка в переулках Арбата. Лето, вечер, на улице тепло, распахнуты окна домов, и откуда-то льется мелодия, живая, не из магнитофона, настоящая. Свет фонарей пробивается сквозь малахит крон деревьев, превращая старые дворики в нереальность. Он рядом, нестерпимо близко. И маленькая сережка с Черным бриллиантом ему в подарок. Чернослив, сухофрукт – так я его иногда называла за долгие раздумья перед принятием решений.

Ш – Шнурки. Эти дурацкие желтые шнурки, я уже и не помню, зачем мне тогда понадобилось их покупать. Наверное, оттого, что я неисправимая специалистка по всякой ерунде. И наши с ним завязанные узелки на этих шнурках. Так и висят у меня на лампе эти ядовито-желтые шнурки с узелками. Наша извечная борьба за мое здоровье, когда он с завидным постоянством пытался нахлобучить на меня Шапку, капюшон и прочую ненужную мне хрень, а я гордо

взъерошивала перья и пыталась увернуться от издевательства над пернатым. Прогулки по осенним скверам и паркам и обязательное горе дворников – разбрасывание и **Шуршание** листьев. А еще – это слова, произнесенные в полумраке в сумерках **Шепотом**.

Щ – вслед за волком из букваря показался мелкий жизнерадостный **Щенок**, весло тьякнув, умчался вслед за старшим. Этот щенок редко просыпается в нем, но все же бывает такое. От его появления в душе возникло **Щемящее** чувство радости, но **Щелчок** по клюву вернул меня в реальность.

Ъ – буква-бука, стоящая особняком от всех, вечно всем недовольная и... твердая буква, одним словом.

Ы – возможно, это его коронное **гЫ**, по-доброму посмеяться над очередной моей причудой.

Ь – славная буква, дарящая мягкость и пушистость словам.

Э – Эфемерность... невозможность, призрачность происходящего – это все оттого, что есть невозможность до конца поверить в чудо.

Ю – одна из его любимых песен «Ночных снайперов» «**Юго**».

Я – зачастую последняя буква моих писем, моя подпись. Твоя **я**.

Нестерпимо захотелось оказаться с ним в каком-нибудь маленьком кафе с приглушенным светом, мягкими диванчиками и неназойливыми официантами. Поерзав немного,

угнездиться у него под боком, с легким флером ностальжи негромко сказать: «А помнишь...» – и начать неспешно перебирать бусинки событий, встреч, секретов на наших четках жизни, а потом, замерев на полуслове, обернуться к нему и увидеть его солнечную улыбку и маленькие лучики морщинок смеющихся небесных глаз.

Красный сигнал светофора, предупреждающий об опасности, остановил мое движение и ход моих мыслей. С противоположной стороны, повинуясь светофору, замер Митька. Встреча на середине пешеходного перехода, как на нейтральной территории. «Привет», дежурный чмок в щеку и разворот в сторону кафе. Что-то не так стало в наших отношениях. Понять и разобраться у меня уже не хватает сил. Светлое кафе, расположившееся недалеко от идола всех торговашей, Меркурия, сегодня не вызывает желания в нем прятаться. Просто заказываем себе по стакану кофе с собой и молча идем обратно в сквер. Натянутость во всем, и разговор не клеится. Неизбежность разговора усугубляет тяжесть молчания. Я уже очень давно отучилась задавать ему дурацкий вопрос, присущий многим женщинам этого мира: «Ты меня любишь?»

– Митька, я тебе нужна?

– Нужна.

– Зачем?

Молчание. Блиц-опрос, игра в пинг-понг. Он пропустил мячик, эту партию выиграла я, но это и мое поражение. Я

люблю его молчание. Густое, наполненное теплотой молчание, но сейчас я слышу тишину, пустую мертвую тишину. Он пытается найти ответ, но теряется. Я терпеливо жду. Через несколько минут его раздумий и тишины, поняв, что ответа так и не получу, я задаю очередной важный для меня вопрос.

– Это значит, что мы расстаемся?

– Наверное, да. Я не знаю, зачем ты мне нужна.

Ожидая этого, все равно невозможно быть к этому готовой. В висках начинается бешеная пульсация. Прикуриваю сигарету в попытках успокоиться. Одна сигарета в тишине, и с каждой затяжкой ко мне приходит понимание, что, в общем-то, это завершение нашей сказки. Я все еще его люблю, и я для него не чужой человек, но наше с ним одно на двоих измерение уже разрывается на два чужих мира. Еще можно что-то изменить, собрать остатки сил, обнять его, но у меня нет даже этих остатков. Больно. Всегда думала, что уходить надо гордо. Молча подняться с лавки, развернуться и уйти, не показывая эмоций и чувств. Но нет сил. Сил нет даже на то, чтобы просто встать, физических сил нет. Все предсказуемо и ожидаемо, рано или поздно это должно было случиться. Но, черт побери, почему именно сейчас? Чертова зима. Мне вдруг становится страшно. Мне не было страшно уходить с работы, а вот теперь мне стало страшно перед будущим. Что-то внутри меня ломается, то ли его тишина, то ли зима уничтожают меня, и по щекам текут слезы, неконтролируемый процесс выделений слезных желез. Я никогда не

плачу, даже когда меня никто не видит. Не знаю почему, всегда убеждаю себя, что я сильная, что слезами ничего не добьешься, а сейчас, сейчас уже все равно. Уже нечего терять и нечего исправлять и спасать. Просто разговор с тишиной, не как с любимым, не как с другом, а просто вслух сама с собой. Мне даже уже не нужны его ответы и не важны его реплики.

– Знаешь, Митька, мне сейчас ужасно страшно. Я вообще не знаю, что дальше делать. Я по собственной воле потеряла работу. Теперь по собственной воле потеряла любимые ладони. Я даже не представляю, что делать дальше, как и на что жить, чем и кем жить.

– Ну, ты всегда была хорошим фотографом, пойдешь куда-нибудь работать. Может, не будешь, как раньше чувствовать кадр, сделаешь фотографию не мастерством, а ремеслом. Это прекрасный способ заработать деньги, у тебя получится.

Чужие слова постороннего человека. Поднимаю взгляд и смотрю прямо ему в глаза и улыбаюсь. По щекам все еще текут слезы. Беру его теплую, такую родную ладонь и улыбаюсь ему.

– Ладно, не буду отвлекать. Наверняка тебя уже заждались на работе. – Не выпускаю, но чуть разжимаю пальцы, и его рука выскользывает. Сажусь на лавку и смотрю на удаляющуюся мужскую фигуру, еще секунда – и он смешается с толпой, станет человеком толпы. Закрываю глаза, чтобы не видеть этого момента. А руки еще помнят его ладони.

Глава 8

Бессонница

Дни смешались, перепутались. Для меня уже не существует суббот и понедельников, мне неважно, среда на дворе или пятница. Бессмысленно прожигаю жизнь. Однообразие каждого дня, часа, минуты. Страшно. Бессмысленность и бесцельность жизни – катастрофичны.

Шагаю без направления, думаю ногами. Самые главные враги – это мысли, они как паразиты проникают в душу и пробираются к самым болезненным местам, нашептывая совсем не утешительные, но здравомыслящие вещи. Раньше я старалась их прогнать, сейчас жалею, что не прислушалась раньше и сопротивлялась. В виде слабого протеста, импульс от души, желание развернуться и рвануть в метро, чтобы бегом по эскалаторам, в нетерпении медленно ползущего поезда, добраться до... «хоть куда». Очередная мысль-паразит, усмехнувшись, сообщает старую мудрость, что от себя не убежишь, и она, зараза такая, права, поэтому продолжаю маршировать дальше.

Опять не сплю. Кто бы только знал, как раздражает эта бессонница. Маршрут кухня – кровать опротивел до скрежета зубов. Курю, пью чай, опять курю, соприкасаюсь с постельным бельем в попытках уснуть, опять курю, таращусь в темень за окном, курю, все по замкнутому кругу. На улице

оранжевый уровень, штормовое предупреждение. Тени деревьев мечутся в бешеном танце. Ветер отпускает на волю тротуарный мусор города, он с садистскими наклонностями извращенца срывает с деревьев пару уцелевших за зиму листьев и отправляет в безудержный танец, а ветви мечутся в стыдливом бреде, не в силах пережить свою неприкрытость, и ломаются. Кажется, что даже фонарный столб не в силах удержать свою прямолинейность, еще чуть-чуть, и пустится в этот бесноватый танец. А дома штиль, покой, совсем другая жизнь, лишь муха, которая так же, как и я, не отправилась в зимнюю спячку, пролетая мимо, напоминает, что этот домашний мир не статичен. Ненавижу ночные беспричинные бдения. За окном, в поисках смысла бытия, мечутся тени, а я пью чай, я спокойна как мертвый вулкан. Либо я изменилась, либо жизнь. Но что-то явно пошло не так, как когда-то было задумано. Задаюсь вопросом «почему так?» и со спокойствием старого ворона сама себе отвечаю: «Потому что это жизнь».

Все стало просто, понятно, логично и объяснимо. Ушли терзания, метания, неопределенности. Все стало предсказуемо и ясно, это всего лишь жизнь. Раньше, совсем давно, у меня была возможность носить очки, забавные такие... Вместо стекол были витражи, мозаики, калейдоскоп жизни вертелся, цветные стеклышки преломляли свет, образуя причудливые картинки, которые я с радостью выхватывала из жизни и переносила в строчки писем, в фотографии. Потом, утрам-

Бовывая поглубже все свои чувства и эмоции, я куда-то подевала эти самые милые очки. Мир стал обыкновенен, прост, с сероватым оттенком дорожной пыли на газонной зелени. А теперь, в попытках отрыть в сундуках души те самые очки, я приобрела новые – черные, со стеклами, которые не может пробить даже солнечный свет. Мир стал непролазно черен, как гудрон, разлитый рабочими на дороге. Пыталась брести по этой трассе без цели и направления, но ноги окончательно увязли, и я превратилась в изваяние неизвестного творца, непонятно чему посвященное. Время остановилось. За совсем короткий срок из жизни исчезли очень многие люди, остался мизер знакомых, да и те из столь глубокого прошлого, что кажутся героями какого-то кинофильма.

От предложений дружеской попойки шарахаюсь, как проститутка от субботника. На место друзей пришли подруги. Вместо душевных посиделок и повествований о жите-бытье разум начинает играть в партизана, который никому ничего не скажет, а память может еще и гордо плюнуть в лицо любопытствующему и отвернуться. Если раньше заинтересованность мужчин моей персоной поднимала самооценку, потом стала просто забавлять, то теперь это раздражает. Бессонница. Муха пытается в безумном пике атаковать чашку, я «жаднюсь». Перебираю в памяти всех – мужчин, женщин, друзей, знакомых, а затем, как грязное белье, сваливаю все в одну кучу. Хотя какая уж тут стирка, всё это не отполощешь, легче сделать подарок мусорному ведру.

А память все подкидывает персонажи, и каждого я без причин вычеркиваю. Ну да, душевный климакс налицо, вернее, на психику. А чем еще заниматься по ночам, только распитием чаев и ведением дневника наблюдений за природой. Где-то в районе трех муха продолжает не спать, я держу оборону кружки. Больше мне оборонять нечего и не от кого. Борьба с мухой, ночные войны за доминирование над чашкой, как бы уснуть и не страдать фигней.

Глава 9

Отъезд

Когда я увольнялась, многие говорили: «Да куда же ты пойдешь?!», «Кому ты нужна на гражданке?!», «Ты не найдешь работу!» Но стоило уволиться, как я получила довольно много приглашений на работу, там были и пустяковые и серьезные предложения, в разных областях и с разными задачами. Не рассматривая их, я сразу даю отказ. Почти полмесяца сижу в четырех стенах, не в силах собрать себя и заставить хоть что-то сделать. Не могу находиться дома, в Москве. Что-то выталкивает меня отсюда, чувство неприкаянности в этих стенах, городе, мире. Чтобы не сойти с ума, пялюсь в телевизор, пытаюсь ни о чем не думать, позволяю облаку деградации постепенно обволакивать себя. Я – как груженная машина, которую судьба выбила из привычной колеи и понесла по проселочным дорогам. В конечном итоге колеса окончательно увязли в непролазной грязи российско-го бездорожья посреди бескрайнего поля, где нет ничего, что могло бы послужить опорой для вытаскивания машины из грязи и сцепления с реальностью дорог. Я и не мечтаю о каком-нибудь тягаче, который вытащит из этого месива. Понимание, что дальше так продолжаться не может, давит, но я все равно бездействую. Канал National Geographic вещает о далеких и теплых странах, где все хорошо. По интернету

рассматриваю картинки. На одном из сайтов висит объявление о сдаче дома с отоплением на берегу моря. Зимой на пляжный отдых спроса нет, в не сезон можно снять целый дом за очень низкую цену. Желающих любоваться зимними штормами и отдавать себя на растерзание морским ветрам, проникающим, кажется, даже в район сердечной мышцы, не так уж и много. Выданных мне при увольнении денег хватит, чтобы позволить себе роскошь сбежать от московской зимы, которая рождает непреодолимую тягу к солнцу. Даже не размышляя, чтобы не передумать, бронирую дом, вношу залог и покупаю билет на самолет. Муж, прекрасно понимая, что мне лучше уехать и отдохнуть, даже не высказывает возражений.

Не люблю железные дороги. Поезда – это неизбежность случайных знакомств. Всегда любила самолеты – они как птицы умеют летать, они всегда ближе к солнцу. Через два дня я уже стою у стойки регистрации на рейс в аэропорту с одной небольшой сумкой. Пара теплых вещей, джинсы да сменное белье. Все, что нужно человеку для путешествия или бегства. Почему-то, когда мы хотим кардинально поменять свою жизнь, то стремимся упаковать чемодан и уехать, сменить обстановку. На самом-то деле это глупый порыв. Мы оставляем города, но весь багаж событий и чувств все равно берем с собой. Вырывание себя с корнем из привычных мест не изменит нашу судьбу. Мы это понимаем, но все равно покупаем счастливый билет и отправляемся в путь

вершить свои судьбы. Нас слишком многое связывает с этим местом, напоминает о событиях. Но даже сменив обстановку, память все равно будет откапывать обереги прошлого и подсовывать сравнение с тем или иным местом, мимо все равно будут проходить похожие на кого-то лица. От самого себя не убежать, а точнее сказать: невозможно убежать от своей памяти.

Часть вторая

Солнечный город

Глава 10

Другой мир

Сонный городок со своим провинциально-курортным шармом. Никогда раньше не бывала на курортах зимой. Совершенно другой мир. Но сейчас мне не до сравнений, отмечаю все это на краю подсознания, не оценивая: нравится или нет. Пока у меня одна цель – добраться до нового места обитания. В какую авантюру я снова вляпалась? Зачем я сюда приперлась, какая разница, где медленно сходить с ума? Выбираюсь из закоулков города, прохожу через чью-то апельсиновую рощу и вдалеке на холме вижу свое жилище. Нет, я все правильно сделала, что приехала сюда. На стук дверь открывает пожилой мужчина – хозяин этого дома. Он встречает меня как старую знакомую, радушно приглашая в гостиную, по пути что-то объясняя, как и чем пользоваться, где и что находится. Но я настолько вымотана дорогой, что не в силах вникнуть в смысл его объяснений. Наконец-таки он понимает всю бессмысленность экскурсии по дому, забирает деньги и уезжает. А я выхожу на веранду с видом на

море, сажусь в ротанговое кресло и закурываю. Зачем я сюда приехала? В надежде что-то забыть, что-то найти, что-то изменить? Сама не понимаю, для чего нужно было срываться с места и с космической скоростью, сломя голову, мчаться сюда. К чему все эти перемещения? По мнению мужа – отдохнуть. Но от чего? С таким же успехом я могла бы сидеть дома, ничего не делать, курить в тепле на привычной мне кухне и предаваться глупым размышлениям. Море, оно совсем рядом, оно размеренно накатывает на берег. Шум прибоя понемногу отводит от меня все мысли, и я просто слушаю море, постепенно успокаиваюсь от суматохи дороги, растворяюсь в его неспешности. За весь день, кроме желания добраться до конечной цели, у меня возникает первое настоящее желание – выпить кофе. Не проглотить в нервотрепке в аэропорту, в ожидании автобуса до города, а без всяких мыслей, просто почувствовать вкус кофе. Захожу в дом. В прихожей висит календарь с какими-то котятками. Снимаю его, прохожу по дому и останавливаю все часы, пряча время в платяной шкаф.

Я не хочу знать даты, не хочу смотреть на стрелки часов, я хочу быть вне времени. Открываю окно. На улице ветер и холодно. Ну и пусть... мне сейчас нужен свежий воздух, ветер, способный выгнать московское время. Впиваюсь взглядом в линию горизонта, делаю глубокий вдох и настраиваю свое время. Время без часовых механизмов, ведущее отсчет по ударам моего сердца. На кухне устраиваю поверхностный

осмотр. Растворимый кофе, видимо, так далеко запрятан, что найти его не удастся. Но то, с какой легкостью я нашла молотый кофе и турку, явно свидетельствует о том, что растворимый кофе в этом доме не водится. Отмеряю весомую порцию, заливаю водой из-под крана, не заботясь, можно ли ее вообще пить, и дожидаюсь, когда начнет подниматься пенка. Проигнорировав маленькую кофейную чашку, наливаю кофе в кружку и, сжимая ее в ладонях, снова выхожу на веранду.

Не знаю, сколько так просидела, кутаясь в куртку и ни о чем толком не думая, но очнулась я от того, что окончательно замерзла, а на улице уже начало темнеть. Кое-как смыв с себя дорогу, и найдя на втором этаже спальню, я нырнула под одеяло и вырубилась без каких-либо снов.

Не знаю, сколько, может, пару дней, а может, неделю, у меня теперь нет времени, я жила кофе и сигаретами. Мои самые дальние путешествия были до плетеного кресла на веранде, не далее. Я сидела и слушала море. На большее меня не хватало. Но как-то утром меня разбудили солнечные лучи. Они так настойчиво щекотали мои ресницы, что поневоле пришлось разлепить глаза, и я поняла, что за очень долгое время проснулась, когда на улице уже светит солнце. Первый раз за долгие годы привычка раннего подъема не сработала. Ловлю себя на том, что улыбаюсь. Это хороший признак. Ступни соприкасаются с холодным полом, и с сознания слетает пелена сонливости. Ну что же, новая жизнь

так новая жизнь. Надо хоть понять, с чего начинать и за что тут браться. Кутаюсь в халат и, шаркая тапочками, спускаюсь на кухню. Ну, конечно же, после одиноких посиделок самой с собой осталась немытая посуда. Оттираю турку, даже не подумав снова поискать растворимый кофе. Ставлю варить кофе. Сегодня обойдусь без варварства, кофе, как и положено, наливается в маленькую чашечку. Надо мной часто подшучивали по поводу моей любви к маленьким чашечкам, а я никогда не понимала удовольствия пить сладкую воду с чуть заметным привкусом кофе из больших лоханей на американский манер. На улице холодно, но я все равно выхожу и устраиваюсь в кресле с чашкой и первой сигаретой. «Ну что, подруга, какие у тебя планы на жизнь?» – спрашиваю сама себя. Давно не строила планов. Может, попробовать построить на сегодняшний день? Хотя зачем? У меня теперь нет часов, я свободна от времени и расписаний. Покончив с кофе, решила все же повнимательнее осмотреть свое новое жилище и прилегающую территорию. В доме невероятная холодыга. Кажется, в объявлении про аренду что-то говорилось об отоплении и камине.

Настало время узнать, так ли это на самом деле. Лестница в цокольный этаж была найдена моментально. Котел, дающий тепло, еще еле тлеет (ага, стало быть, не так уж и долго я провела в полном бессознании). Котел, рядом гора мешков с пеллетами. Ну что же, нет ничего, что бы не смог постичь человеческий разум. Хоть и говорят, будто женщи-

ны не слишком приспособлены решать технические задачи, но немного логики, ну, может, капельку воображения, и процесс отопления был постигнут. Пеллеты в печь – и в доме Ташкент. Теперь можно и прочую территорию изучить.

Глава 11

Дом

Дом невелик, но просторен, в нем нет ничего лишнего, нет роскоши и изысканного убранства, нет модного гламура и банального евроремота, но в нем много воздуха и света. Прихожая с вытканными дорожками и вешалкой, смастеренной из отполированных морем коряг. Большая просторная комната с панорамными окнами, выходящими на море. Мягкий диван, на котором в беспорядке разбросаны думки, а на краю, калачиком, свернулся клетчатый плед. В углу притаился торшер с желтым грибом светильника, дарящий по вечерам приглушенный теплый свет двум, охраняющим его покой, старым креслам. На противоположной окнам стене, в ожидании холодного дня, замер камин. На втором этаже – большая комната, впусившая в себя спальню и рабочий кабинет с огромными окнами с видом на пустынный пляж. Поздним утром, когда солнце уже начинает движение по небу, в окно заглядывают лучи и будят, щекоча ресницы. А вечерами стены окрашиваются в нежные розово-фиолетовые тона, переводя голоса в шепот, и медленно гасят свет. Окна кухни и стеклянная дверь выходят в небольшой палисадник. На плите пригрелся чайник со свистком, который периодически пугает проживающих, призывно требуя к себе внимания. В углу, у окна, стоит кухонный стол, окруженный

диванчиком и парой стульев, а сверху вечерним солнцем, пристально изучая карту витиеватого узора скатерти, замер абажур. Глиняная чашка с Семарглом вечно прислушивается, о чем спорят пузатый, важный заварной чайник и добродушная, веселая сахарница, но в диспут не вмешивается, все больше отмалчиваясь. Вся посуда в доме не ведает, что такое сервиз, она разномастная, нелепая, но очень милая, потому что сделана теплыми руками и с мыслями о счастливых днях. Этот дом весь сделан с любовью, в него вложена душа, и поэтому он живой. В укромном уголке поселился добрый дух этого дома, которого некоторые называют домовым. Но он не мешает людям, не воеет по ночам, не скрипит половицами, пугая детей, он просто охраняет покой этого дома и его жильцов.

С правой стороны полноправной частью здания важничает пристройка-мастерская. Две ее стены сделаны из стекла, открывая панорамный вид с одной стороны на море, а с другой стороны на палисадник. Две другие стены от пола до потолка загружены верстаками, стеллажами, полками и антресолями, на которых покоится разнообразный хлам, очень нужный, из которого потом обязательно хоть что-нибудь, да можно будет сделать полезное в хозяйстве. В углу мастерской замер гончарный круг. Как будто часы этого мира остановились. Но вот придет хозяин, возьмет холодный и влажный кусок глины и начнет его сначала вымешивать, как пекарь тесто. Привычные движения ладоней с усилием вниз

и вперед, вниз и вперед. Глина постепенно впитает в себя тепло рук. Затем хлесткими и размашистыми ударами, как будто за что-то наказывая глину, мастер начнет ее отбивать, выгоняя воздух и добиваясь однородности материала. А потом бросит на круг скатанный комок глины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.